

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.17>

Талызина Елена Викторовна

"НЕБЕСНАЯ КРАСОТА ЗЕМНОГО": ЭДВАРД ТОМАС И МИСТИКА ПРИРОДЫ

Статья посвящена исследованию творчества британского писателя начала XX в. Эдварда Томаса, который в своих произведениях уделял значительное внимание темам природы и восприятия её человеком. Автор показывает, что Томас, будучи далёким от религиозности, видел в природе единственный источник "трансцендентного", хотя и относился к получаемым "откровениям" со скептицизмом. Однако он ценил мистическое отношение к природе в произведениях своих предшественников и даже у писателей-мистиков XVII в. находил нечто приемлемое для современного сознания. Его мировоззрение наиболее полно выразилось в поэзии, к которой он обратился в последние два года своей жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 77-81. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ORIGINAL PROBLEMATICS OF JANET FITCH'S NOVEL "WHITE OLEANDER"
IN THE CONTEXT OF THE USA LITERATURE AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

Makarenko Larisa Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Artyushkova Anastasiya Evgen'evna
Sevastopol State University
larisa-sevast@yandex.ru; shamanka987@gmail.com

The article provides a detailed analysis of the problematics of the Californian authoress Janet Fitch's novel "White Oleander". The researchers characterize the USA literary context at the turn of the XX-XXI centuries, mention the basic tendencies of the USA literature of this period and identify the authoress's approach to representing the key themes and problems of the modern American society, such as the conflict of generations, "mother – daughter" relations. The paper concludes that Janet Fitch's novel is in tune with the basic tendencies of the modern American literature but traditional for "women's prose" problems are considered at the philosophical and esthetical level.

Key words and phrases: American literature at the turn of the XX-XXI centuries; Janet Fitch; "White Oleander" novel; problematics; "mother – daughter" plot; educational novel; identity problem; multiculturalism.

УДК 821.111

Дата поступления рукописи: 04.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.17>

Статья посвящена исследованию творчества британского писателя начала XX в. Эдварда Томаса, который в своих произведениях уделял значительное внимание темам природы и восприятия её человеком. Автор показывает, что Томас, будучи далёким от религиозности, видел в природе единственный источник «трансцендентного», хотя и относился к получаемым «откровениям» со скептицизмом. Однако он ценил мистическое отношение к природе в произведениях своих предшественников и даже у писателей-мистиков XVII в. находил нечто приемлемое для современного сознания. Его мировоззрение наиболее полно выразилось в поэзии, к которой он обратился в последние два года своей жизни.

Ключевые слова и фразы: Эдвард Томас; английская литература начала XX в.; литература о природе; мистика природы; «космическое сознание»; Ричард Джеффрис.

Тальзина Елена Викторовна

Самарский государственный технический университет
elanor68@mail.ru

«НЕБЕСНАЯ КРАСОТА ЗЕМНОГО»: ЭДВАРД ТОМАС И МИСТИКА ПРИРОДЫ

Британского писателя начала XX в. Эдварда Томаса (1878-1917) нельзя было назвать религиозным человеком. Однако, будучи агностиком и дарвинистом, он тем не менее нуждался в чём-то, «на что можно опереться» [18, р. 2]. Такую опору Томас находил в природе. Как профессиональный литератор он выражал отношение к природе, подчас граничившее с религиозным, в своих прозаических произведениях, а впоследствии перенёс в более зрелой форме в поэзию, оказавшую влияние на англоязычных поэтов начиная с У. Х. Одена вплоть до современных. Что же касается прозы писателя, ставшей истоком его поэзии, то она была забыта на долгие годы даже в Британии и только в наше время переиздаётся и открывает массовому читателю. Однако в России поэзия Томаса, не говоря о прозе, до сих пор известна в основном лишь специалистам. Между тем изучение их **актуально**, ибо обе представляют интерес в связи с «экоцентричным» [17, р. 22] видением автора.

В нашей работе впервые в отечественном литературоведении делается попытка показать, как почти сакральное отношение Томаса к природе отражалось в его произведениях и в мирозерцании каких писателей он находил близкие для себя элементы, перенося их на современную почву. Это и определяет **научную новизну** настоящего исследования.

В школьные годы Томас совершал «естественнонаучные» вылазки по окрестностям в родном пригороде Лондона и с упоением читал книги писателей-натуралистов, прежде всего Ричарда Джеффриса (1848-1887), имевшего в юности мистические переживания при общении с природой, о которых рассказал в своей «духовной автобиографии» "The Story of My Heart" («Повесть моего сердца»). Самому Томасу с юных лет не были чужды подобные впечатления от природы, окрашенные также присущей ему мечтательностью [20, р. 250]. К тому же из-за того, что его отец чрезмерно увлекался позитивизмом, он не мог удовлетвориться механистическим и бихевиористским объяснением тайны жизни и сознания [10, р. 93].

Работая над критической биографией кумира своей юности Джеффриса, изданной в 1909 г., Томас заинтересовался «космическим сознанием» [20, р. 250]. На рубеже XIX-XX вв. делались попытки интерпретировать субъективный опыт человеческого сознания, в том числе религиозный и мистический, вне зависимости от конфессиональной принадлежности субъекта. В цивилизованном мире были популярны работы американского психолога и философа-прагматиста Уильяма Джеймса (1842-1910), брата писателя Генри Джеймса.

В частности, его труд “The Varieties of Religious Experience”, опубликованный в 1902 г., был в 1910 г. издан на русском языке под названием «Многообразие религиозного опыта». В 1901 г. вышла работа канадского психиатра Ричарда Мориса Бака (Bucke, 1837-1902) “Cosmic Consciousness” («Космическое сознание»). Космическое сознание, по описанию автора, – это «осознание жизни и порядка Вселенной» [3, р. 3] (здесь и далее, кроме указанных случаев, перевод автора статьи. – Е. Т.); его сопровождает чувство бессмертия, причём обладания бессмертием уже сейчас [Ibidem].

В 1909 г. вышел сборник эссе Джеффриса “The Hills and the Vale” («Холмы и доль») с предисловием Томаса, в котором он ссылается на труды У. Джеймса и М. Бака. Так, он находит у Джеффриса все четыре признака мистического состояния, перечисленных Джеймсом в главе о мистицизме в «Многообразии религиозного опыта» [5, р. XXVI]. Длительность влияния, которое мистический опыт имеет над жизнью пережившего его, Томас объясняет верой мистика в то, что «мы составляем единое целое с Абсолютным и сознаём это единство» [Ibidem] (пер. В. Г. Малахеевской-Мирович и М. В. Шик [1, с. 326]). А в критической биографии Джеффриса он говорит о «напряжённых моментах единства [Джеффриса] с Природой» [16, р. 177].

Как пишет сам Джеффрис в «Повести моего сердца», ещё до восемнадцати лет он стал постигать «скрытый и эзотерический смысл» Вселенной [6, р. 199], и его при этом наполняли «неопределимые стремления» [Ibidem]. В критической биографии Джеффриса, цитируя это место, Томас называет такие переживания «краткими переходящими восторгами» [16, р. 177] и сравнивает писателя с мистиком XVII в. Якобом Бёме [Ibidem, р. 182].

У. Джеймс причисляет Джеффриса, вместе с Уолтом Уитменом и Эдвардом Карпентером, к «последователям натуралистического пантеизма» (пер. В. Г. Малахеевской-Мирович и М. В. Шик [1, с. 331]), чей мистицизм значительно отличается от христианского [Там же]. Однако М. Бак, считая двух последних достигшими всей полноты «космического сознания», случай Джеффриса относит к «сумеркам» этого состояния [3, р. 319; 5, р. XXVII]. В доказательство он приводит отрывки из духовной автобиографии писателя “The Story of My Heart” («Повесть моего сердца») о том, как в юности Джеффрису казалось, что может существовать бессмертие [6, р. 38] (по словам Бака, для совершенного «космического сознания» характерна уверенность в этом [3, р. 321]), и о нежелании писателя верить в то, что «всё случается к лучшему» [3, р. 322; 6, р. 146].

Джеффрис в зрелые годы стал агностиком, так как не видел ни во Вселенной, ни в жизни людей действия «гуманного разума» [6, р. 146]. По словам У. Дж. Кита, «Повесть моего сердца» знаменует в том числе разрыв с христианством, потерю восприятия природы как создания некоего Творца. После Джеффриса писатели, принадлежащие к английской «сельской традиции», – как правило, неверующие [7, р. 142]. Однако как до него, так и после многие поэты и прозаики имели в какой-то мере похожий мистический опыт при общении с природой. Как сказал один из таких писателей У. Г. Хадсон (1841-1922), мистицизм присущ всем [Цит. по: Ibidem, р. 139].

Хадсона, который, подобно Джеффрису, не верил в благого творца, также не могли удовлетворить попытки научного материализма объяснить тайну жизни [Ibidem, р. 187]. Сам писатель называл себя «религиозным атеистом» [Цит. по: Ibidem].

Томас, лично знавший Хадсона, отмечает его благоговейное, близкое к религиозному отношение к природе и жизни, а также присущий ему определённый мистицизм. Например, он говорит, что жаворонок для писателя – «и птица и дух» [13, р. 249]. По мнению Томаса, Хадсону удастся «воскрешать» доисторических людей достовернее, чем это делал Джеффрис [11, р. 191-192]; он с лёгкостью переходит из реального мира в мифический, воображаемый или древний [13, р. 249]. Томас считает Хадсона «одним из немногих писателей, кого можно было бы назвать “дита Природы”, не обижая ни его, ни других детей» [11, р. 192].

Томас также прочитал несколько работ по «традиционному» мистицизму при написании критической биографии Метерлинка [20, р. 250] (который, особенно в раннем творчестве, тяготел к мистике и даже перевёл произведение фламандского средневекового мистика Яна ван Рюйсбрука «Одеяния духовного брака» [15, р. 107]), равно как и будущи литературным критиком, рецензировал “Centuries of Meditations” («Сотни размышлений») Траэрна [20, р. 250], мистика XVII в.

Произведения Томаса Траэрна (Traherne, 1636(?)–1674), как прозаические, так и поэтические, были обнаружены и изданы в Британии в начале XX в. Томас упоминает Траэрна в критических биографиях Джеффриса и Метерлинка, в частности находя определённое сходство между ним и обоими писателями [15, р. 164; 16, р. 188]. Он считает откровение, полученное Траэрном (равно как и откровение, данное другому мистiku XVII в., Генри Возну) лишь случайно христианским [4, р. XI] и обращает внимание в его произведениях на мистiku природы, говоря, что Траэрн «видит узоры, которые непрестанно ткёт всё живое. Он хотел бы, чтобы люди стремились к этому божественному знанию вещей и их места во Вселенной» [19, р. 133] (если бы Р. М. Бак познакомился с произведениями Траэрна, он, вероятно, счёл бы его достигшим полноты космического сознания).

По мнению Томаса, которое он высказывает в главе «Июнь» книги «Южный край» (“The South Country”), ни одному английскому писателю не удалось так выразить духовную красоту детства, как Траэрну, когда все знания о мире были божественными, а в дневном свете являлась вечность [Ibidem, р. 131-132].

Томас говорит об «общественном мистицизме» Траэрна [Ibidem, р. 135], цитируя «Сотни размышлений» о том, что никто не научится правильно пользоваться земными благами, пока не постигнет, что он – единственный наследник целого мира [21, р. 20]. По словам Томаса, наше наследие превосходит мир, поскольку единственным наследником является каждый человек [19, р. 135]. Писатель рассуждает о концепции всеобщей божественности, в которой Траэрн предвосхитил Уитмена и которая производила и произведёт великие перевороты [Ibidem, р. 136].

Исследователь Стэн Смит полагает, что видение мира в общем владении, присущее Траэрну, отражается в стихотворении Томаса “The Other” («Другой»), где герой возвращается на землю, “Held on everlasting lease”

(досл. «которой владеют на правах вечной аренды»), а не находящуюся в частной собственности [10, p. 147]. Стэн Смит добавляет, что Томас включил в антологию “The Pocket Book of Poems and Songs for the Open Air” («Карманную книгу песен и стихов для использования на открытом воздухе», 1907 г. [17, p. 323]) стихотворение Траэрна, которое, по словам исследователя, повествует о переходе ребёнка по мере взросления из мира первобытного коммунизма в мир “Cursed and devised proprieties” [10, p. 147] (досл. «проклятых и выдуманных прав собственности»). Это стихотворение “Wonder” («Изумление» [22, p. 3-5]), и оно переключается с цитируемыми Томасом в «Июне» отрывками из «Сотен размышлений» о блаженном детском мировосприятии [19, p. 126, 132; 21, p. 157-158].

Определённый мистицизм восприятия природы был присущ и самому Томасу. В предисловии к посмертному сборнику рассказов Томаса “Cloud Castle” («Облачный замок»), вышедшему в 1922 г., У. Г. Хадсон писал, что их двоих связывало то, что оба они были до некоторой степени мистиками, но Томас стеснялся в этом признаваться [Цит. по: 12, p. VI] и относился к своему мистическому опыту с известной долей скептицизма. Так, например, в письме он просит своего друга Джесса Берриджа (ставшего англиканским священником) не называть его “*anima naturaliter Christiana*” (лат. «душа по природе христианка»), пока он жив (после того, как тот прочитал рассказ “The Stile” («Перелаз»)) [20, p. 250].

По словам Р. Дж. Томаса, Э. Томасу, подобно Китсу и Чосеру, был знаком мир грёз. У него есть два малоизвестных коротких прозаических произведения – “A Sportsman’s Tale” («Рассказ охотника», написанный в 1909-1910 гг.) и “The Chessplayer” («Шахматист») – с несколько мрачно-апокалиптическим содержанием, также демонстрирующих определённую мистику природы [Ibidem]. Первое сочетает реальное событие – встречу писателя со своим школьным другом Артуром Харди – с грёзой о Елисейских полях, описанной в манере Чосера с привкусом дарвинизма [Ibidem, p. 251]. Во втором из них изображён подобный ветхозаветному Иегове жестоко-равнодушный «Шахматист», управляющий миром [Ibidem, p. 250].

Сочетание мистического опыта с грёзой отражено и в рассказе “The Moon” («Луна») из «Облачного замка». В нём авторское «я» идёт ночью в лес, где видит, как лунный свет падает на ствол одного дерева. По мнению автора, для адекватного выражения тайны этого света не подошло бы ни одно фантастическое существо, созданное человеческим воображением. Он пишет, что «был близок к воображению божества с как можно меньшей долей антропоморфизма; несомненно, без персонификации» [12, p. 195-196].

По словам Томаса из небольшой брошюры «Деревня» (“The Country”), именно на природе («за городом», «в деревне») «мы осознаём... судьбу, которая связывает нас с бесконечностью и вечностью» [18, p. 11-12]. В отличие от тургеневского героя, видевшего в природе «мастерскую», он воспринимал её скорее как «храм», будучи в этом наследником английской «сельской» традиции и романтиков (особенно Вордсворта и Китса), но с осознанием ответственности за окружающую среду [19, p. 144] (такой взгляд приобретает популярность, так что в этом Томас вполне современен). В этом «храме» он иногда получал «откровения» (epiphanies) – мгновения постижения некоей истины, «моменты вечности» (“moments of everlastingness”), как он их назвал в стихотворении “The Other” [17, p. 42]. По мнению Э. Лонгли, источник этого выражения, возможно, следует искать у вышеупомянутых мистиков XVII в. [9, p. 97]: Генри Возна, в стихотворении которого “The Retreat” («Уединение») имеется строка “Bright shoots of everlastingness” (досл. «яркие ростки вечности»), и Траэрна в отрывке из «Сотен размышлений», в котором говорится о детских впечатлениях: «Хлеба были сверкающей и бессмертной пшеницей, которая никогда не будет сжата и никогда не была посеяна. Я думал, что она стояла спокон веков (from everlasting to everlasting)» [21, p. 158]. И “The Retreat”, повествующее о ностальгии по детству (строки, в которых выражено восхищение природой), и отрывок о пшенице Томас цитирует в «Июне» [19, p. 137, 131].

Однако Томас, по рождению горожанин, чувствовал отчуждение современного ему городского человека от природы. В «Южном крае», в главе «Возвращение к природе» устами своего персонажа – двойника автора он говорит о мистических переживаниях детства: как перед ним внезапно разверзлась бесконечность и как это было непохоже «на транс мистика, ощущающего бесконечной душой землю и звёзды, и море, и отдалённое время и осознающего своё единство с ними» [Ibidem, p. 75]. В этих словах можно увидеть аллюзию на мистический опыт Джеффриса [6, p. 9-10, 14]. Но в рассказе “The Stile” из сборника “Light and Twilight” («Свет и сумерки») единение со всем сущим происходит [14, p. 51].

Томас очень хорошо знал флору и фауну Британии, особенно Южной Англии, и писал о них с большой любовью и даже благоговением. Особое внимание он уделял деревьям и птицам. Именно их отличие от людей даёт нам понять, что человек – не «венец творения», не хозяин Земли, а лишь один из её обитателей, и ему следует относиться к своим соседям с должным уважением. Они позволяют нам выйти из тесного человеческого мирка и приобщиться к гармонии и красоте, которых так не хватает современным городским жителям.

В «Деревне» писатель утверждает, что древним римлянам, исчерпавшим свою религию, молчание священной рощи тем не менее казалось голосом неведомого бога; так и для современных людей это голос, приглашающий в более широкий мир, по отношению к которому этот – лишь его малая часть [18, p. 33]. Там же он, восхищаясь Эмили Бронте, называет её «тёмной орадой Йоркшира» [Ibidem, p. 52] и замечает, что, читая её четверостишие, где она обращается к лесам, невозможно сомневаться в том, что деревья были поистине «её одиноковыми сёстрами» [Ibidem, p. 52-53].

Из деревьев в его произведениях, пожалуй, наиболее часто встречается вяз – «типично английское дерево», по словам М. Кёркема [8, p. 121]. В главе «Искатель приключений» (“An Adventurer”) из «Южного края» писатель рассказывает, что с вырубкой вязов для постройки новых домов в одном из пригородов Лондона исчезла «небесная красота земного» (“the heavenly beauty of earthly things”) [19, p. 64]. Те вязы органично

вписывались в религию прежних жителей пригорода, создавая то «святилище красоты» [Ibidem], в которое мы должны время от времени удаляться, если стремимся к чему-то большему, чем просто «есть, пить и читать газеты» [Ibidem]. У новых же обитателей уже не было богов, зато была только что построенная готическая церковь [Ibidem, p. 65]. В поэзии, к которой Томас обратился во время Первой мировой войны, в стихотворении “As the team’s head-brass” («Латунный блеск на сбруе») [17, p. 123] упавший вяз можно интерпретировать символически, как гибель старой сельской Англии и даже как предсказание смерти самого поэта (сидящего на нём) на фронте.

Трели соловья пытаются внушить нам, что Земля – нечто большее, чем «человеческое владение» [19, p. 34], позволяют нам выйти из «местечковости человечества» [Ibidem]. Вдыхая воздух, который пустила птица в наш узкий мирок, мы становимся «свободными гражданами вечности» [Ibidem].

В поэзии Томаса птицам приписывается некое сокровенное знание. Например, скромные камышовки из одноимённого стихотворения (“Sedge-Warblers”) повторяют то, что ещё ни один человек не узнал в школе или вне её (“What no man learnt yet in or out of school” [17, p. 91]). Дрозды знают некое «имя», которое невозможно забыть (стихотворение “The Word” («Слово») [Ibidem, p. 93]).

Томас считает птиц нашими соседями по Земле и даже соотечественниками: “...one nationality / We had, I and the birds that sang, / One memory” [Ibidem, p. 81]. / «...одна национальность / была у нас, у меня и птиц, которые пели, / одна память» – стихотворение “Home” («Дом»). Деревья и птицы владеют языком, который нельзя выдавать (“A language not to be betrayed”; стихотворение “I never saw that land before” («Я никогда не видел прежде этот край») [Ibidem, p. 120]).

В заключении критической биографии Метерлинка Томас называет писателя последователем Эмерсона и мистиков, «чьим главным делом было провозглашать тайну жизни, величие малого, красоту всего обыкновенного, кроме обычных правил» [15, p. 309]. Это можно применить и к самому Томасу, который, например, способен увидеть Эдем или «золотой век» в раннем июльском утре, когда коров выгоняют на пастбище, а дорога здесь усыпана осиновым пухом, там на ней слышен запах крапивы и борщевика, а дальше по обочинам колокольчики и наперстянка мешаются с папоротником [19, p. 129]. В стихотворении “Swedes” («Брюква») открытое хранилище брюквы представляет собой более чудесное зрелище, чем впервые обнаруженная гробница фараона [17, p. 54].

Томас чувствует, что там, где человек и природа сосуществуют в течение многих веков, где человеческий труд преобразовал естественный ландшафт, гармонируя с ним, витает «дух места» [19, p. 13], восхищающий восприимчивую душу некоей магией, которую в давние времена люди олицетворяли с помощью богов очага, фей или святых [Ibidem]. Однако там, где дела рук человеческих не вписываются в ландшафт, этот дух не ощущается. Так, писатель считает религиозную архитектуру мёртвым языком, хотя и величественным, поскольку она является «слишком постоянным выражением преходящего» [Ibidem, p. 5], выражением желания человека защититься от враждебности природы и страха смерти постройкой «на века», по мнению М. Кёркема [8, p. 7]. Томас противопоставляет «величественную тишину» природы [18, p. 11] «беспокойной тишине» собора [19, p. 5]. Напротив, группы сушилок для хмеля в пору осеннего урожая или весеннего цветения он приравнивает по воздействию на людей к храму [Ibidem, p. 49].

Одна из форм давнего сосуществования человека и природы – это пути, пролагаемые человеком на лице земли. В «Южном краю» Томас говорит о Дороге паломников (“the Pilgrims’ Way”), древнем пути, ведущем в Кентербери, что её хранит один из малых богов, «которые... владеют землёй на узких путях, получая удовольствие от превращения малого в прекрасное» [Ibidem, p. 50]. Именно эти многочисленные сельские боги «отвечают за некую гармонию земли с трудами человеческими» [Ibidem, p. 52].

Такое отношение Томаса к дорогам Э. Лонгли называется «поклонением» (“toad-worship”) [Цит. по: 17, p. 270]. Путям и путешествиям посвящены книги Томаса “The Icknield Way” (об одной из древнейших дорог, ведущей из Норфолка в Уилтшир) и “In Pursuit of Spring” («В погоне за весной»).

Боги, вернее, богини, незримо обитающие вдоль дорог, появляются в стихотворении “Roads” («Дороги»), причём поэт называет их своими любимыми богами [Ibidem, p. 106]. О самих дорогах Томас говорит:

“On this earth ‘tis sure
We men have not made
Anything that doth fade
So soon, so long endure” [Ibidem]. /

«На этой земле, несомненно, / мы, люди, не сделали / ничего, что исчезает / столь скоро, так долго длится». В одной из строф упоминается “Helen of the roads” (досл. «Елена дорог») [Ibidem, p. 107] – Элен Лиддауг («Елена Воинства»), персонаж из книги средневековых валлийских легенд «Мабиногион»; римские дороги в Уэльсе до сих пор называют «дорогами Элен» (sarnau Elen Luyddeug) [2, с. 327]; об этом же Томас написал в письме к своей близкой знакомой Элеанор Фарджен, на что ссылается Э. Лонгли в примечаниях к стихотворению [17, p. 271]. (Родители отца Томаса, валлийцы, переехали из Южного Уэльса в Суиндон, среди предков матери тоже были валлийцы.) Эти дороги ведут поэта на защиту своей родины (“Now all roads lead to France” – «теперь все дороги ведут во Францию» [Ibidem, p. 107]), за которую он в результате отдал свою жизнь.

Таким образом, мирозерцание Э. Томаса во всей полноте отражается в его произведениях. Заслуга писателя заключается в том, что он сумел адаптировать мистическое видение природы и «романтическую экологию» [Ibidem, p. 22] к современному сознанию: переняв у своих предшественников благоговейное отношение ко всем формам жизни и уважение к окружающей среде, он создал «экоцентричную» поэзию, актуальную в наши дни.

Список источников

1. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. М.: Наука, 1993. 432 с.
2. Мабиногион: легенды средневекового Уэльса. М.: Аграф, 2002. 416 с.
3. Bucke R. M. Cosmic Consciousness: A Study in the Evolution of the Human Mind. Philadelphia: E. P. Dutton and Company, Inc., 1901. 384 p.
4. Herbert G. The Temple & A Priest to the Temple. With an introduction by Edward Thomas. L.: J. M. Dent & Co, 1908. XVII+304 p.
5. Jefferies R. The Hills and the Vale / with an introduction by E. Thomas. L.: Duckworth & Co., 1909. XXXII+316 p.
6. Jefferies R. The Story of My Heart: My Autobiography. L.: Longmans; Green and Co., 1922. XIV+210 p.
7. Keith W. J. The Rural Tradition. Hassocks: The Harvester Press, Ltd., 1975. XIV+312 p.
8. Kirkham M. The Imagination of Edward Thomas. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. XII+225 p.
9. Longley E. Under the Same Moon: Edward Thomas and the English Lyric. L.: Enitharmon Press, 2017. 302 p.
10. Smith S. Edward Thomas. L.: Faber and Faber, 1986. 222 p.
11. Thomas E. A Literary Pilgrim in England. N. Y.: Dodd, Mead and Company, 1917. X+330 p.
12. Thomas E. Cloud Castle and Other Papers / with a foreword of W. H. Hudson. L.: Duckworth & Co, 1922. VIII+200 p.
13. Thomas E. In Pursuit of Spring. L.: Thomas Nelson and Sons, 1914. 301 p.
14. Thomas E. Light and Twilight. L.: Duckworth & Co., 1911. VIII+192 p.
15. Thomas E. Maurice Maeterlinck. Second edition. L.: Methuen & Co., Ltd., 1911. XIV+334 p.
16. Thomas E. Richard Jefferies: His Life and Work. Boston: Little, Brown & Company, 1909. XII+344 p.
17. Thomas E. The Annotated Collected Poems / ed. by E. Longley. Tarsset: Bloodaxe Books, 2013. 332 p.
18. Thomas E. The Country. L.: B. T. Batsford, 1913. 60 p.
19. Thomas E. The South Country. L.: J. M. Dent & Co, 1909. XII+280 p.
20. Thomas R. G. Edward Thomas: A Portrait. Oxford: Oxford University Press, 1987. XII+332 p.
21. Traherne T. Centuries of Meditations. L.: Bertram Dobell, 1908. XXX+342 p.
22. Traherne's Poems of Felicity / ed. by H. I. Bell. L.: Clarendon Press, 1910. XLIV+152 p.

“HEAVENLY BEAUTY OF EARTHLY THINGS”: EDWARD THOMAS AND MYSTICISM OF NATURE

Talyzina Elena Viktorovna
Samara State Technical University
elanor68@mail.ru

The article deals with the study of the works of the British writer of the early XX century Edward Thomas, who paid considerable attention to the themes of nature and its perception by a man in his works. The author shows that Thomas, being far from religiosity, saw the only source of the “transcendent” in nature, although he was sceptical about the received “revelations”. However, he valued mystical attitude to nature in his predecessors’ works and even found something acceptable for contemporary consciousness among the mystic writers of the XVII century. His worldview was expressed most fully in poetry, to which he turned in the last two years of his life.

Key words and phrases: Edward Thomas; English literature of the early XX century; literature about nature; mysticism of nature; “cosmic consciousness”; Richard Jefferies.

УДК 821.112.2

Дата поступления рукописи: 09.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.18>

В статье исследуется рецепция Китая немецкоязычным писателем Францем Кафкой (1883-1924), которая прослеживается на разных уровнях – от авторской интерпретации китайской лирики до «копирования» парадоксального компонента в семантическом пространстве художественного текста, порождающего новые смыслы. Литературный парадокс как один из доминирующих принципов поэтики изучается на примере рассказов и писем писателя, в которых фигурирует образ Китая. Произведен анализ средств создания образа Китая Кафкой. Выявлено, что рецепция Китая Кафкой находится в амбивалентном отношении к общепринятому европейскому «китайскому дискурсу» начала XX века.

Ключевые слова и фразы: Китай; Кафка; литературный парадокс; китайский дискурс; поэтика.

Шастина Марина Владимировна

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
shastina@rambler.ru

«КИТАЙ ФРАНЦА КАФКИ»: ПРИРОДА ПАРАДОКСА

Франц Кафка (Franz Kafka, 1883-1924) – уникальный автор, пророчески увидевший в XX веке все то, что до сих пор «не отпускает» людей искусства во всем мире, все его катаклизмы, связанные не только и не столько с тоталитарными режимами, но в большей степени с сущностью человеческой природы, подверженной разного рода трансформациям. Уникальность Кафки в его универсальности, поскольку, о чем бы он